

УДК 329.1

DOI 10.52575/2687-0967-2022-49-3-690-700

Оригинальное исследование

Возвращение идеологии: персонологический аспект

Гаспарян С.А.

МГИМО МИД России,

Россия. 119454, Москва, проспект Вернадского, 76

E-mail: S.gasparian@my.mgimo.ru

Аннотация. В статье рассматривается изменение в характере политической борьбы в США, которое можно обозначить как «возвращение идеологии»: поворот от выстраивания политических платформ таким образом, чтобы ответить на сложную комбинацию интересов различных групп поддержки, к цельным традиционным идеологиям, апеллирующим, соответственно, к левым – либеральным – и правым – консервативным убеждениям. Особенность этого «возвращения» заключается в том, что теперь основания традиционных идеологий связываются с персонологическими исследованиями последних лет, которые указывают на значительное влияние личностных характеристик на индивидуальные идеологические предпочтения, при том что данные характеристики демонстрируют высокий уровень наследуемости, иначе говоря, являются в значительной степени врожденными. Установление этой связи меняет общественное восприятие идеологий, превращая их из экрана для экономических интересов в выражение основополагающих черт определенных типов людей, которые к тому же определяют себя в политическом поле через противопоставление друг другу. В статье исследуется влияние этих теорий на понимание политического процесса и их способность провоцировать обострение политической борьбы.

Ключевые слова: идеология, Большая пятерка, выборы в США, либерализм, консерватизм

Для цитирования: Гаспарян С.А. 2022. Возвращение идеологии: персонологический аспект. *Via in tempore. История. Политология.* 49 (3): 690–700. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-3-690-700

The Return of Ideology: Personological Nuance

Gasparyan S.A.

MGIMO University,

76 Vernadskiy Ave., Moscow 119454, Russia

E-mail: S.gasparian@my.mgimo.ru

Abstract. The article examines the change in the nature of the political struggle in the United States, which can be described as the «return of ideology»: a turn from building political platforms as serving the interests of a complex combination of various groups to traditional ideologies, appealing, respectively, to the left – liberal – and right – conservative beliefs. The peculiarity of this «return» is that the foundations of traditional ideologies are associated with personological studies of recent years, which indicate a significant influence of stable personal characteristics on individual ideological preferences, while these characteristics demonstrate a high level of heritability, in other words, are largely congenital. The establishment of this connection changes the public perception of ideologies, turning them from a screen for economic interests into an expression of the fundamental features of certain types of people who, moreover, define themselves in the political field through opposition to each other. The article examines the influence of these theories on the understanding of the political process and their ability to provoke an aggravation of the political struggle.

Key words: ideology, the Big Five, United States elections, liberalism, conservatism

For citation: Gasparyan S.A. 2022. The Return of Ideology: Personological Nuance. *Via in tempore. History and political science.* 49 (3): 690–700 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-3-690-700

Введение

На протяжении двух десятилетий после завершения холодной войны исследования идеологии оставались оттесненными на периферию политической науки. В этот период вновь стало популярным рассуждать о «конце идеологии», провозглашенном еще в 1960 г. Дэниелом Беллом [Bell, 1960], который считал, что западное общественное устройство сумело впитать в себя все лучшее от либерализма и социализма, и оба этих учения, лишившись главных оснований для политической критики, потеряли общественное влияние. То, что это заявление было преждевременным, наглядно показал 1968 г., когда выяснилось, что идеология, по крайней мере левого толка, еще вполне способна приводить массы в движение. А в конце 1970-х гг. приход к власти в Великобритании и США консерваторов показал, что правая идеология также все еще может служить мобилизационным ресурсом. Более того, на рубеже 80-х и 90-х консерваторы Рейган и Буш оказались в роли победителей над неожиданно капитулировавшим социалистическим блоком – победа, в которой они видели именно идеологический триумф.

Однако после этого «триумфа» идеологический накал предыдущих десятилетий, казалось, уже всерьез уходит в прошлое. К разговорам о «конце идеологии» добавляются идеи «конца истории» Френсиса Фукуямы и «третьего пути» Энтони Гидденса – вместе они составляют идейную базу центризма, который становится мейнстримом политики западных стран: с центристскими программами к власти в США приходит Клинтон, в Великобритании – Блэр, в Германии – Шредер; все трое – представители левоцентристских партий, заметно сместившихся в направлении рыночного либерализма.

Но уже в следующем десятилетии столкновение западных обществ с волной террора, движимого идеями исламского фундаментализма, приводит к тому, что провозглашенный ранее отказ от идеологии сам превращается в принципиальную и эмоционально накаленную позицию. На интеллектуальном уровне это столкновение изображается как разворачивающееся между здравомыслием, освободившимся от идеологических химер, и примитивной и жестокой религиозной утопией. И то, что преступления фундаменталистов подтверждали худшие мнения об их мировоззрении, по сути дела, продлило жизнь идеям внеидеологического общества, вопреки нараставшей на протяжении 2000-х гг. критики, указывавшей на то, что «третий путь», который преподносился как преодоление идеологичности как таковой, на самом деле представляет собой всего лишь еще одну идеологию, и в ней, как и в любой другой, предостаточно иррационального. В 2010-е гг. противоречия между приверженцами внеидеологического глобального мира и группами, готовыми вернуться к политике как идеологической борьбе, вышли на поверхность, причем атака на центристов развернулась как слева, так и справа. Трехсторонний конфликт со всей отчетливостью проявился на американских президентских выборах 2016 г.: центристка Клинтон, с трудом победив на внутривыборных выборах левого радикала Сандерса, потерпела поражение от правого Трампа, выстроившего подчеркнуто идеологизированную кампанию. Для американского истеблишмента это был момент истины: и дальше делать вид, что идеологическая борьба – пережиток, означало бы заведомый проигрыш перед теми, кто воспринимал эту борьбу всерьез. В результате укорененные во всех властных институтах центристы, неожиданно для себя оказавшиеся в оппозиции, совершили «левый поворот», что было особенно заметно по основным американским СМИ, по факту полностью отказавшимся от установки на объективность и разогревшими идеологическое про-

тивостояние до такого градуса, что некоторые комментаторы всерьез начали говорить о новой «гражданской войне» [Мак, 2018].

Это возвращение идеологической политики произошло в ситуации, когда привычным для участников политического процесса – партийных аппаратов, СМИ, социальных медиа и других – стал технократичный подход, предполагавший возможность целенаправленно воздействовать на свои аудитории, опираясь на статистические данные. С точки зрения такого подхода, традиционная модель, связывающая правые и левые идеи с экономическим положением придержащихся их групп, была слишком упрощенной и определенно требовала дополнения более тонкими социальными или, что сыграло особую роль, психологическими индикаторами.

Методы исследования

В настоящей статье предлагается анализ влияния психологических концепций, в первую очередь психометрической модели «Большая пятерка», на содержание и характер идеологической борьбы в рамках традиционных для западных стран двухпартийных систем и прежде всего – на роль этих концепций в обострении конкуренции между Демократической и Республиканской партиями в США. Осмысление этого влияния движется по линии кембриджской школы интеллектуальной истории, главные представители которой К. Скиннер и Дж. Покок заостряют внимание на том, что любое «научное» высказывание имеет значение одновременно в пределах и научного, и политического дискурса, и видят основной целью своей дисциплины отслеживать, как политологические идеи преломляются при перемещении через эту разделительную линию [Кембриджская школа, 2018].

В решении этой задачи кембриджская школа опирается на теорию речевых актов Дж. Остина [Остин, 1999], однако другой возможный подход предлагает теория социальных представлений С. Московичи, который определял их следующим образом: «Социальные представления всегда имеют сложную структуру и не могут существовать иначе, чем в составе «предзаданной системы мысли», вследствие чего они постоянно находятся в зависимости от совокупности убеждений, которые опираются на ценности, традиции и образы, характеризующие мир и существующего в нем человека. Они прежде всего объект постоянной социальной работы, осуществляемой посредством и внутри дискурса таким образом, чтобы каждый новый феномен всегда мог быть встроен в объяснительные или обосновывающие модели, которые принимаются в силу своей привычности» [Moscovici, 2001, p. 157]. Анализ такого рода социальных представлений подразумевает выделение в их структуре центральных и периферийных элементов. Центральный элемент характеризуется как «тема» – некоторая базовая идея, которая воспринимается как самоочевидная и задает рамки тому, что может быть включенным в представление. Эта тема может притягивать к себе сложные формализованные знания, появляющиеся в науке, но при этом они упрощаются, лишаясь связей со сложной сетью других элементов научного дискурса, которые обеспечивали им легитимность внутри науки, и переориентируются на связь с «темой» социального представления. Собственно, таким путем научные знания трансформируются в часть политического дискурса.

Материал, на котором в настоящей статье отслеживаются эти трансформации, это, с одной стороны, психологические исследования по направлению персонологии, с другой – публикации, освещающие избирательный процесс в западных странах, прежде всего – президентские выборы в США периода 2010-х гг. Подходы кембриджской школы и С. Московичи и позволяют обнаружить между этими двумя, на первый взгляд, не связанными между собой дискурсивными «комплексами» смысловые связи, способные сделать понятнее политическое обострение в современных США, которое является, по сути, сфокусированным отражением напряжения в западном политикуме в целом.

Возвращение идеологии

Несмотря на то, что в период после холодной войны исследование идеологии не было мейнстримом для гуманитарной науки, она тем не менее могла предоставить вновь заинтересовавшимся идеологией практикам – политикам, политтехнологам, журналистам и др. – некоторые новые интерпретации.

Исходное марксистское понимание характеризовало идеологию как отражение классовых экономических интересов. В западной политологии 1950–70-х гг. оно сменилось ее восприятием в качестве мобилизационного инструмента, который целенаправленно конструируется с целью обеспечить определенной политической силе максимальную общественную поддержку. Собственно, это последнее понимание идеологии и привело к ее «концу»: превратившись в конструктор из лозунгов, пересобираемый под каждые новые выборы, идеологии утратили внутреннюю цельность и, как следствие, действенность. Такой подход был отражением характерного для второй половины XX в. взгляда на человека: индивид воспринимался как выразитель набора частных интересов, который складывается как производная от его социальной ситуации, – в упрощенном виде это отражала пирамида Маслоу, подразумевавшая, что люди с разными уровнями благополучия испытывают различные потребности, но за пределами этих потребностей у них практически нет устойчивых устремлений, которые были бы заложены в них классом, национальностью или другими важными для них группами. Более того, сам факт появления подобных «навязчивых» устремлений рассматривался как патология, которая провоцируется неблагоприятными явлениями в окружении, прежде всего психологическими травмами, полученными в детстве. Примерно такая логика использовалась в том числе для объяснения правых политических взглядов в основополагающей для политической психологии работе «Исследование авторитарной личности» [Адорно, 2012].

Таким образом, политическая наука долгое время рассматривала человека, прежде всего, как реагирующего на внешние условия. Однако в этот же период политическая психология получала все больше подтверждений тому, что две базовые для западного общества идеологические позиции – правая и левая: консервативная и либеральная в американском контексте или соответственно либеральная и социалистическая – в европейском, – отражают не просто классовое деление общества, а два разных типа личности. База исследований, подтверждающих этот тезис, постепенно укреплялась в 1980–90-е гг., а начиная с середины 2000-х гг. резко ускорила свой рост [Jost, 2021], и основная часть исследований свидетельствовала в пользу того, что основные идеологии отражают не только и не столько конфликтующие экономические интересы, а устойчивые предпочтения, в значительной степени не зависящие от социально-экономических условий.

Остроту этим выводам добавляло то, что начиная с 1970-х гг. был также собран богатый материал, демонстрирующий важную роль наследственности в формировании личности. Особенно наглядными стали исследования разлученных близнецов – людей, совпадающих генетически, но выросших в разных условиях. Совпадения между этими близнецами, иногда впервые встретившимися в ходе исследований, зачастую были поразительными и касались в том числе их политических предпочтений [Bouchard et. al., 2003].

Непосредственно нацеленные на изучение идеологических предпочтений психологические исследования также показывали, что факторы, определяющие идеологический выбор, обнаруживаются на самых базовых уровнях формирования личности. К примеру, лонгитюдное исследование Джека и Джиян Блок зафиксировало проявление зачатков, характерных для либералов и консерваторов черт у детей детсадовского возраста – вывод, который подтвердился, когда наблюдаемые достигли зрелости [Block, Block, 2006]. А в других работах предрасположенность к идеологиям была обнаружена даже на генетическом уровне [Alford, et. al., 2005; Natemi et. al., 2011].

Все это подводило к практическому выводу о том, что если идеологии отражают типы личности, складывающиеся под влиянием наследственности и воспроизводящиеся из поколения в поколение, то попытка заменить исторически сложившиеся идеологические платформы комбинированием различных групповых интересов обречена на провал.

Служащая мостом между психологией и политологией политическая психология обеспечила достаточно быстрое распространение данных о врожденном характере идеологических предпочтений среди политологов и политтехнологов, что способствовало реинтерпретации идеологии. Собственно, эту реинтерпретацию, которая была по крайней мере одной из наиболее заметных тенденций политологии 2010-х гг., и можно охарактеризовать как персонологический поворот.

Исследователи, которые занимались политологией и политической психологией, и ранее интересовались личностными особенностями, однако их исследования носили отчетливо нормативный характер и использовали инструментарий, который был направлен не столько на объективную оценку, сколько на диагностику «патологии». Родоначальником линии таких диагностических инструментов была «ф-шкала», разработанная Т. Адорно и коллегами. «Ф» здесь недвусмысленно обозначала «фашизм», предрасположенность к которому методика и должна была измерять [Адорно, 2012]. Ее прямыми потомками стали два инструмента: «авторитаризм правого уклона» (right wing authoritarianism – RWA) [Altemeyer, 1981] и «ориентация на социальное доминирование» (social dominance orientation – SDO) [Sidanius et. al., 1994].

Более взвешенным подходом к «измерению» политических предпочтений стала «Личностная методика NEO» (в версии 1992 г. «NEO-PI-R», а 2005 г. – «NEO-PI-3»), которая представляла собой опросник, построенный на пятифакторной модели личности, известной как «Большая пятерка» [Costa, McCrae, 2017], и к 1990-м гг. вышедший в лидеры среди персонологических инструментов. И, как выяснилось, предрасположенность к консерватизму – это одна из личностных характеристик, которые опросники этой серии относительно надежно угадывают: правые политические взгляды устойчиво сопутствуют высоким показателям по шкале «сознательность», которая определяет человека как дисциплинированного, обязательного и целеустремленного. В отличие от RWA и SDO эта характеристика выставляла консерваторов во вполне благоприятном свете – «сознательность» служит наиболее востребованной чертой на рынке труда и может использоваться как предиктор экономического успеха в течение жизни. Другим индикатором правых взглядов были низкие показатели «открытости опыту», обозначавшие интеллектуальную ригидность – менее лестная характеристика, к тому же коррелирующая с низкими показателями интеллекта [Schretlen et. al., 2010]. Но, несмотря на некоторые неприятные ассоциации, в целом «закрытость опыту» отражает стремление к стабильности, в той или иной мере свойственную всем людям.

Соответственно, опросники серии NEO могли также использоваться для предсказания левых политических взглядов, которые сопутствовали низким показателям сознательности и высоким – открытости опыту, характеризуя либералов как людей любознательных, творческих и интеллектуально одаренных, но непоследовательных и не склонных к порядку.

Обнаружение устойчивой связи идеологий с определенными типами личности само по себе несло угрозу политического обострения: получалось, что в политике противостоят не интересы, которые можно привести к какому-то общему знаменателю, а изначально разные люди. Пессимистичных оттенков добавляли высокие показатели наследуемости, которые демонстрировали черты «Большой пятерки», причем наиболее высокий коэффициент показывала «открытость опыту», которая была наиболее эффективным предиктором левых взглядов [Alford et. al., 2005]. Если принимать эти выводы всерьез, то «конец идеологии» откладывался на неопределенный срок, а задача разработки некоторого «третьего пути» превращалась в гораздо более сложную задачу: речь теперь шла не о том,

чтобы выбрать все самое разумное из двух идеологий, а о том, чтобы удовлетворить два типа людей, противоположных друг другу с точки зрения важных личностных черт.

Распространение такого взгляда среди политтехнологов работало на радикализацию политических кампаний. В целом уже к 1990-м гг. они практически отказались от попыток убеждения избирателей в пользу соответствия ожиданиям целевых групп. Электорат рассматривался как калейдоскоп различных интересов, и формирование политической платформы превращалось в решение своего рода уравнения: нужно было ответить на запросы максимального числа групп и сделать это так, чтобы число тех, кого придется оттолкнуть, было минимальным. То, что такие платформы утрачивали целостность, свойственную традиционным идеологиям, считалось малозначимым. Но теперь выяснялось, что эти идеологии сохраняют значение, так как отражают базовые психологические предпочтения. А учитывая, что либерализм и консерватизм определяются противопоставлением друг другу, это также означало переход от соревнования за избирательные очки к прямому противостоянию по принципу или-или.

Особенно заметными эти процессы стали в 2010-е гг. В Европе они проявились в смещении левых, в первую очередь «зеленых» партий ко все более утопическим программам, которые представляют собой, по сути, декларации ценностей, призванных продемонстрировать отличие озабоченной глобальными проблемами «прогрессивной молодежи» от безразличных «бюргеров», а также в подъеме правых движений, опирающихся на идеи защиты традиционного образа жизни – последние, в отличие от левых радикалов, столкнулись с жестким противодействием европейского истеблишмента.

В США, в свою очередь, заметная перемена пришлась на выборы 2012 г. – вторые для Обамы, который из левоцентриста клинтоновского толка (только обаятельней, чем Хилари Клинтон), в роли которого он победил в 2008 г., превратился в идейного «левого», противопоставлявшего себя как человека мультирасового и мультикультурного будущего отсталой и злонамеренной белой элите прошлого, которая выставила против него своего типичного представителя – белого мультимиллионера Мита Ромни. При этом победа Обамы объяснялась американскими СМИ главным образом с точки зрения демографии: этнический состав населения США становится все более разнообразным, в то время как белое население сокращается, и шансы «старых белых мужчин», которым нечего предложить новым цветным американцам и особенно цветной молодежи, впредь будут лишь падать. Такой «приговор демографии» служил продвижению либеральной прогрессистской позиции в качестве «объективной неизбежности» – ход мысли, который уже явно указывал на возвращение идеологического мышления.

Принципиальный же переход к идеологическому противостоянию произошел на выборах 2016 г. Трамп и возглавивший его кампанию на завершающем этапе Стив Бэннон, в котором пресса видела правого радикала, в то время как сам он представлялся «правым популистом», в полной мере использовали силу цельной идеологии. В своих многочисленных выступлениях Трамп открыто говорил то, что огромное количество людей хотело слышать, но американские политики, приученные формулировать свои заявления исходя из принципа «никого не оттолкнуть», говорить перестали: массовая иммиграция провоцирует рост безработицы и преступности, глобализм ведет к деиндустриализации Америки, зеленая энергетика – безосновательная и разрушительная затея и т. д. Но наиболее рискованной была линия на вскрытие того, что медийный (творческий и «открытый опыту») класс, очевидно подыгрывающий Демократической партии, является врагом, исповедующим принципиально иные ценности, чем те, которые дороги американскому среднему (трудолюбивому и «сознательному») классу: общая «социальная справедливость» против экономической самостоятельности, универсальный гуманизм против патриотизма, разнообразие против традиции.

Конечно, кампания Трампа не была выстроена исключительно на психологических началах. Бэннон, в частности, открыто высказывался о возвращении «классовой полити-

ки», указывая на то, что два реальных оппонента Клинтон – Трамп и Сандерс – сходятся в том, что выражают интересы забытого политиками рабочего класса, который к 1990-м гг. закрепился в экономике в составе «среднего», но по мере нарастания сопутствующего глобализации «экспорта рабочих мест» стал откатываться в бедность [Green, 2017]. Но, хотя она и не была единственной, психологическая линия просматривалась в кампании Трампа достаточно отчетливо. Упомянутые ценности, которые занимали в ней не меньшее место, чем апелляции к экономическим интересам, устойчиво коррелируют с психометрически измеряемыми чертами личности [Carraja, Veccione, 2017]. И именно на эту взаимосвязь опиралась в своей работе корпорация «Cambridge Analytica», которая обеспечивала электронную составляющую трамповской кампании.

Как вскрылось в 2018 г. в ходе расследования против социальной сети «Facebook»⁷⁷, которая незаконно использовала данные пользователей, предоставив к ним доступ в том числе и «Cambridge Analytica», последняя с целью повысить эффективность размещения политической рекламы занималась классификацией адресатов по модели «Большой пятерки» [Gibney, 2018]. Такой подход не был принципиально новым, ранее он использовался в маркетинге и, нужно заметить, что его эффективность далеко не бесспорна, но применение этого подхода к выборам свидетельствовало об изменениях в видении политического процесса. Нацеливание политической рекламы на тех, кто заранее предрасположен к взглядам, которые в ней продвигаются, причем расположен к ним в силу своих врожденных особенностей, фактически означает отказ от широкого политического диалога. Оппонентов не пытаются переубедить, их игнорируют, рассчитывая на победу над ними за счет максимальной мобилизации «своих», круг которых определяется психологической типологией.

Идеология в науке

Есть определенная логика в том, что эти идеи взяли на вооружение в первую очередь правые. Представления о врожденном характере человеческих предрасположенностей развиваются в рамках той линии гуманитарной науки, которая в настоящее время ассоциируется прежде всего с эволюционной психологией. Программа эволюционного объяснения сложного социального поведения появилась в 1970-е гг. как «социобиология» [Уилсон, 2015], но большинством ученых-гуманитариев была расценена как неприемлемая. В принципе, именно как ответ на вызов социобиологии, в которой многие увидели попытку естественной науки поглотить гуманитарную, и сложилась так называемая «стандартная модель социальных наук» [Пинкер, 2021], нацеленная на объяснение человеческого поведения исключительно через детерминацию культурой. На Западе сторонникам «стандартной модели» удалось установить контроль над большинством гуманитарных дисциплин, что привело к ставшей особенно заметной в последние годы догматизации социологии, антропологии, филологии и ряда других гуманитарных наук.

В психологии влияние «стандартной модели» было заметным, но оказалось слабее, чем в других дисциплинах. Причиной этому была более тесная, по сравнению с другими гуманитарными науками, связь психологии с естественной наукой и медициной. В результате в ее пределах сохранилась линия на эволюционное биологическое объяснение человеческого поведения, и, несмотря на то что эту линию продвигали люди, в основном придерживающиеся, как и большинство западных ученых в целом, либеральных политических взглядов, в определенный момент они явно почувствовали на себе противодействие становящейся все более догматичной и политизированной «стандартной модели». Эта ненамеренная оппозиционность к мейнстриму невольно сближала эволюционную психологию, которая стала главным представителем всех исследований человека, использующих

⁷⁷ Продукт компании «Meta», признанной экстремистской и запрещенной в России.

биологическое обоснование, с правым политическим флангом. Для многих вовлеченных в этот союз он оказался неожиданным. Характерный пример – нейропсихолог Сэм Харрис, который в середине 2000-х гг. приобрел известность своей радикально антирелигиозной позицией, из-за которой был причислен к «четырем всадникам» нового атеизма – характеристика, казалось бы, исключавшая симпатии со стороны традиционно религиозных правых. Но в конце 2010-х гг. его имя вновь оказалось на слуху, на этот раз в составе «интеллектуального даркнета» – круга авторов, пользующихся популярностью новых «альтернативных» правых. Здесь Харрис оказался в одной компании в том числе с психологом Джорданом Петерсеном, известным среди прочего своими курсами-комментариями к Библии, и консервативным комментатором Беном Шапиро, исповедующим ортодоксальный иудаизм.

Выстроившаяся таким образом комбинация лиц и идей, собственно, и создала условия для обращения правых к персонологическому инструментарию. Казалось бы, предугадывание политических взглядов по психологическим характеристикам – это нейтральный инструмент, но если смотреть на ситуацию через призму иллокутивных речевых актов, которые совершаются как действия, имеющие цель, не исчерпывающуюся передачей информации, то обнаруживается, что между идеологическими позициями и научными подходами есть связь. Прежде всего, для консерваторов изначально привлекателен взгляд, согласно которому природа человека устойчива из поколения в поколение, а индивидуальный характер – это не производная от ситуативного влияния, а отражение глубинных особенностей, полученных в наследство от предков. По той же логике либералам-прогрессистам больше импонируют модели, исходящие из того, что человеческая личность пластична и поддается изменениям, – из этого логично следует, что и общественное устройство возможно изменить.

Интерпретацию связи науки и политического процесса в случае США можно было бы свести к выводу о маятниковом движении: претензия на избавление от идеологии, под прикрытием которой шло усиление левых прогрессистских позиций, породила реакцию – формирование блока, в который вошли политики, публицисты и ученые, объединенные главным образом протестом против засилья левой идеологии. Но, сложившись, этот альянс обнаруживает потенциал двигаться дальше точки восстановления равновесия. Подтверждения существования врожденной предрасположенности к определенному политическому выбору в принципе создают повод для постановки вопроса о функционировании либеральной демократии как таковой. По-видимому, не случайно в последние годы в западной политологии растет популярность Карла Шмитта [The Oxford Handbook, 2016], поставившего проблему состоятельности представительной демократии в контексте Веймарской Германии. Парламент, как он понимался еще мыслителями эпохи Просвещения, – это собрание народных представителей, которые ведут дискуссию с целью найти оптимальные решения сложным проблемам. Такое функционирование парламента требует исключить проникновение в него идеологического мышления, утверждающего точки зрения определенных групп как неоспоримые. Если же парламент превращается в место столкновения классовых партий и классовых же мировоззрений, то, как наглядно показал паралич веймарского рейхстага, он лишается возможности выполнять свою главную функцию и в значительной степени теряет смысл [Шмитт, 2016а].

С точки зрения К. Шмитта, паралич парламента вызван не классовой борьбой, а тем, что политика изначально предполагает разделение на группы с несовместимыми интересами, и «политическое» как отношение особого рода возникает именно там, где складывается такое разделение, там, где появляется граница между «врагами» и «друзьями», причем «враг» понимается К. Шмиттом как кто-то, кто в принципе не может принять интересы того, по отношению к кому он становится врагом. И такой антагонизм может возникать между самыми различными общностями, отношения которых в результате и становятся «политическими» [Шмитт, 2016б].

То, что в современной западной политологии параллельно шел рост популярности персонологии и идей Шмитта, вряд ли случайность. Если в настоящее время вся политическая система США переживает глубокий кризис, побуждающий самих американских комментаторов сравнивать свою страну с «банановыми республиками» [Wright, 2020], то упадок американского парламентаризма начался заметно раньше, по крайней мере с 1990-х гг., когда конгресс фактически превратился в инструмент клановой борьбы, используемый с серьезным сопутствующим ущербом для всей системы, как это было, например, в случае с отказом республиканцев утверждать федеральный бюджет, который привел к приостановке деятельности американского правительства в 1995–1996 гг. – эксцесс, который повторялся в 2013 и 2018 гг.

Заключение

Возвращение идеологических кампаний и их психологизация в принципе может рассматриваться как один из симптомов дальнейшей эрозии американской политической системы. К сожалению, последствия этого процесса не ограничиваются границами США: то значение, которые они приобрели в мировой политике и экономике, превращают этот конфликт в глобальный – опять же, сами американские комментаторы характеризуют современное обострение целого ряда международных конфликтов как «глобальную гражданскую войну» [Robinson, 2022]. Конечно, схема, по которой в этой войне противостоят «глобалисты» и «националисты», – упрощение, но не безосновательное. Демократическая партия США и особенно ее радикальное крыло действительно выступает последовательным выразителем глобалистских интересов, и вокруг нее и связанных с ней международных структур на самом деле группируются игроки, заинтересованные в сохранении американоцентричного глобального мира – международные финансовые и интернет-корпорации, наиболее тесно связанные с США правительства и партии зарубежных стран, глобалистская интеллигенция, которая сконцентрирована вокруг англоязычных университетов «мирового уровня» и др. Положение Республиканской партии менее однозначно: раскол между центристами и радикалами-«трампистами» в ней глубже, и если центристы по многим вопросам примыкают к «глобалистскому» лагерю, то для «трампистов» противостояние либеральному глобализму – главный центр тяжести их повестки. И это крыло служит центром притяжения для разного рода других «националистических» групп – производственных и энергетических корпораций в самих США, правых движений и правительств в зарубежных странах, интеллектуалов, не вписывающихся в мировой университетский мейнстрим. Стоит еще раз повторить, речь идет не о четкой «линии фронта», а о центрах притяжения, вокруг которых могут возникать самые неожиданные альянсы. Но в целом противостояние, разворачивающееся в Америке, так или иначе проецируется на все значимые конфликты, разгорающиеся в мире.

Конечно, компетентно анализировать каждый из этих конфликтов могут лишь специалисты по данному локальному контексту. Но преломление раскола американских элит действительно можно обнаружить в политических проблемах по всему миру, и понимание интеллектуальной подоплеки этого раскола может оказаться важным для осмысления конфликтов, которых в мире, к сожалению, становится все больше.

Список литературы:

- Адорно Т. 2012. Исследование авторитарной личности. М., АСТ, 416 с.
Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории. 2018. Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М., Новое литературное обозрение, 632 с.
Остин Дж. 1999. Избранное. М., Идея-Пресс, 332 с.
Пинкер С. 2021. Чистый лист. М., Альпина нон-фикшен, 608 с.
Уилсон Э. 2015. О природе человека. М., Кучково поле, 352 с.

- Шмитт К. 2016а. Духовно-историческое состояние современного парламентаризма. Понятие политического. СПб., Наука, 93–170.
- Шмитт К. 2016б. Понятие политического. СПб., Наука, 280–408.
- Alford, J.R., Funk, C.L., & Hibbing J.R. 2005. Are political orientations genetically transmitted? *American Political Science Review*. 99 (2), 153–167.
- Altemeyer B. 1981. *Right-Wing Authoritarianism*. Winnipeg: University of Manitoba Press, 352 p.
- Bell D. 1960. *The End of Ideology*. New York: Free Press, 416 p.
- Block J., Block J. 2006. Nursery school personality and political orientation two decades later. *Journal of Research in Personality*. 40 (5), 734–749.
- Bouchard T.J., Segal N.L., Tellegen M.K., & Krueger R. 2003. Evidence for the construct validity and heritability of the Wilson-Patterson conservatism scale: A reared-apart twins study of social attitudes. *Personality and Individual Differences*. 34 (6), 959–969.
- Caprara G., Vecchione M. 2017. *Personalizing Politics and Realizing Democracy*. New York: Oxford University Press.
- Costa P., McCrae R. 2017. The NEO Inventories as Instruments of Psychological Theory. In: *The Oxford Handbook of the Five Factor Model*. Edited by Widiger T. New York: Oxford University Press, 589 p.
- Gibney E. 2018. The scant science behind Cambridge Analytica's controversial marketing techniques. URL: <https://www.nature.com/articles/d41586-018-03880-4>. Accessed: 18.08.2022, 270–280.
- Green J. 2017. *Devil's Bargain: Steve Bannon, Donald Trump and the National Uprising*. New York: Penguin, 304 p.
- Hatemi et. al. 2011. A Genome-Wide Analysis of Liberal and Conservative Political Attitudes. *Journal of Politics*. 73 (1), 271–285.
- Jost J. 2021. *Left and Right. The Psychological Significance of a Political Distinction*. New York: Oxford University Press, 145 p.
- Mak T. 2018. Another 'Civil War'? Pessimism About Political Violence Deepens In A Divided Nation. URL: <https://www.npr.org/2018/10/31/662216598/another-civil-war-pessimism-about-political-violence-deepens-in-a-divided-nation> Accessed: 18.08.2022.
- Moscovici S. 2001. *Social Representations*. New York: New York University Press, 2001, 3–69.
- The Oxford Handbook of Carl Schmitt*. 2016. Edited by Meierhenrich J., Simons O. New York: Oxford University Press, 867–872.
- Robinson W. 2022. *Global Civil War: Capitalism Post-Pandemic*. Oakland: PM Press, 2022, 224 p.
- Schretlen D., Van Der Hulst E., Pearlson G., Gordon B. 2010. A Neuropsychological Study of Personality: Trait Openness in Relation to Intelligence, Fluency, and Executive Functioning. *Journal of Clinical Experimental Neuropsychology*. 32 (10), 1068–1073.
- Sidanius J., Pratto F., Bobo L. 1994. Social Dominance Orientation and the Political Psychology of Gender: A Case of Invariance? *Journal of Personality and Social Psychology*. 67 (6), 998–1011.
- Wright R. 2020. Is America Becoming a Banana Republic? URL: <https://www.newyorker.com/news/our-columnists/is-america-becoming-a-banana-republic> Accessed: 18.08.2022.

References

- Adorno T. 2012. *Issledovanie avtoritarnoj lichnosti [The Authoritarian Personality]*. M., AST, 416 p. (in Russian).
- Kembridzhskaya shkola: teoriya i praktika intellektual'noj istorii*. 2018 [The Cambridge School: Theory and Practice of Intellectual History]. Sost. T. Atnashev, M. Velizhev. M., Novoe literaturnoe obozrenie, 632 p. (in Russian).
- Ostin J. 1999. *Izbrannoe [Selected Works]*. M., Ideya-Press, 332 p. (in Russian).
- Pinker S. 2021. *Chistyj list [The Blank Slate]*. M., Al'pina non-fikshen, 608 p. (in Russian).
- Wilson J. 2015. *O prirode cheloveka [On Human Nature]*. M., Kuchkovo pole, 352 p. (in Russian).
- Schmitt C. 2016а. *Duhovno-istoricheskoe sostoyanie sovremennogo parlamentarizma [The Crisis of Parliamentary Democracy]*. Ponyatie politicheskogo. SPb., Nauka, 93–170 (in Russian).
- Schmitt C. 2016b. *Ponyatie politicheskogo [The Concept of the Political]*. Ponyatie politicheskogo. SPb., Nauka, 280–408 (in Russian).
- Alford, J.R., Funk, C.L., & Hibbing J.R. 2005. Are political orientations genetically transmitted? *American Political Science Review*. 99 (2), 153–167.

- Altemeyer B. 1981. Right-Wing Authoritarianism. Winnipeg: University of Manitoba Press, 352 p.
- Bell D. 1960. The End of Ideology. New York: Free Press, 416 p.
- Block J., Block J. 2006. Nursery school personality and political orientation two decades later. *Journal of Research in Personality*. 40 (5), 734–749.
- Bouchard T.J., Segal N.L., Tellegen M.K., & Krueger R. 2003. Evidence for the construct validity and heritability of the Wilson-Patterson conservatism scale: A reared-apart twins study of social attitudes. *Personality and Individual Differences*. 34 (6), 959–969.
- Caprara G., Vecchione M. 2017. *Personalizing Politics and Realizing Democracy*. New York: Oxford University Press.
- Costa P., McCrae R. 2017. The NEO Inventories as Instruments of Psychological Theory. In: *The Oxford Handbook of the Five Factor Model*. Edited by Widiger T. New York: Oxford University Press, 589 p.
- Gibney E. 2018. The scant science behind Cambridge Analytica's controversial marketing techniques. URL: <https://www.nature.com/articles/d41586-018-03880-4>. Accessed: 18.08.2022, 270–280.
- Green J. 2017. *Devil's Bargain: Steve Bannon, Donald Trump and the National Uprising*. New York: Penguin, 304 p.
- Hatemi et. al. 2011. A Genome-Wide Analysis of Liberal and Conservative Political Attitudes. *Journal of Politics*. 73 (1), 271–285.
- Jost J. 2021. *Left and Right. The Psychological Significance of a Political Distinction*. New York: Oxford University Press, 145 p.
- Mak T. 2018. Another 'Civil War'? Pessimism About Political Violence Deepens In A Divided Nation. URL: <https://www.npr.org/2018/10/31/662216598/another-civil-war-pessimism-about-political-violence-deepens-in-a-divided-nation> Accessed: 18.08.2022.
- Moscovici S. 2001. *Social Representations*. New York: New York University Press, 2001, 3–69.
- The Oxford Handbook of Carl Schmitt*. 2016. Edited by Meierhenrich J., Simons O. New York: Oxford University Press, 867–872.
- Robinson W. 2022. *Global Civil War: Capitalism Post-Pandemic*. Oakland: PM Press, 2022, 224 p.
- Schretlen D., Van Der Hulst E., Pearlson G., Gordon B. 2010. A Neuropsychological Study of Personality: Trait Openness in Relation to Intelligence, Fluency, and Executive Functioning. *Journal of Clinical Experimental Neuropsychology*. 32 (10), 1068–1073.
- Sidanius J., Pratto F., Bobo L. 1994. Social Dominance Orientation and the Political Psychology of Gender: A Case of Invariance? *Journal of Personality and Social Psychology*. 67 (6), 998–1011.
- Wright R. 2020. Is America Becoming a Banana Republic? URL: <https://www.newyorker.com/news/our-columnists/is-america-becoming-a-banana-republic> Accessed: 18.08.2022.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 22.08.2022

Received 22.08.2022

Поступила после рецензирования 30.08.2022

Revised 30.08.2022

Принята к публикации 30.08.2022

Accepted 30.08.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Гаспарян Семен Ашотович, преподаватель кафедры английского языка № 6, МГИМО МИД России, Москва, Россия

Semen A. Gasparyan, teacher of the Department of English No. 6, MGIMO University, Moscow, Russia

 [ORCID: 0000-0002-7392-4015](https://orcid.org/0000-0002-7392-4015)